

— У меня в комнате тоже не так уж много, — Лю Яоцин не собирался делиться с ним, — но если в будущем появятся другие вещи, я могу сначала предложить их тебе.

— Хорошо, хорошо, — Гао Фугуй поспешно согласился.

Гао Фугуй не считал, что у его семьи есть несколько серебряных монет и земля — это уже что-то особенное. Не говоря уже о том, что Лю Яоцин теперь получил императорский указ, даже те хорошие вещи, что у него в руках, можно было легко продать за хорошую цену. Самое главное, что у Лю Яоцина в следующем году снова будет «Нектар небожителей», и это то, от чего он ни за что не откажется.

«Нектар небожителей» — это жизнь.

Сейчас слухи о «Нектаре небожителей» становятся всё более мистическими, но тех, кто его видел, становится всё меньше, а тех, кто его ждёт, — всё больше.

Например, Лю Яоцин дал небольшой глиняный кувшин с «Нектаром небожителей» чиновнику, передавшему указ. Тот, вернувшись, не осмелился оставить его себе, а преподнёс императору.

Ранее Гао Фугуй возил «Нектар небожителей» в окружной город на продажу. Счастливики, которые его купили, тоже не думали преподносить его императору. Когда слава о «Нектаре небожителей» стала расти, некоторые уже спрятали его, пили тайком и уж точно не собирались выставлять его напоказ.

Император тоже давно слышал о нём, и на этот раз, получив его от передавшего указ евнуха, сам попробовал, после чего сразу же повысил евнуха, назначив его на службу рядом с собой.

Конечно, Лю Яоцин об этом не знал. Он угостил Гао Фугуя лепёшками, проводил его, накормил деревенских обедом и отправился в горы готовить рассаду.

На самом деле, можно было сажать прямо в землю, но в таком случае было бы сложно заменить пропавшие ростки. Тёплых мест было не так много, и Лю Яоцин не хотел их тратить впустую, поэтому решил сначала вырастить рассаду, чтобы потом отбраковать больные и слабые ростки, оставив только здоровые.

Этот процесс выращивания рассады отличался от картофеля и помидоров, корневая система была более развитой, поэтому нужно было выращивать их отдельно.

Лю Яоцин попросил Чжэцзы-гэ помочь, вырезать из дерева углубления, насыпать туда удобренную землю, посадить семена, прикрыть их слоем земли, полить водой и поставить в тёплое место.

Сделав это, оставалось только ждать, пока семена прорастут.

Сейчас, кроме Сюань-гэра и нескольких женщин, которые каждый день приходили печь лепёшки, Су Ци помогал складывать их, Син-гэ и Юй-гэр бегали по поручениям, больше никого не нужно было привлекать.

Солдаты, все здоровенные, жили в деревянных домиках, которые сами построили в горах. В эти дни они сами копали фундамент, готовясь строить дома, но их заработка за эти дни едва хватало на еду в доме Чжэцзы-гэ, и они никак не могли позволить себе серый кирпич и черепицу.

Эти люди ещё не знали о тайной рассаде Лю Яоцина, и сейчас отправили своего представителя к нему.

За эти дни они поняли, что, несмотря на то, что все хорошие вещи принадлежат семье Чжэцзы, он во всём слушается Лю Яоцина, и главным всё равно остаётся Цин-гэр.

На этот раз был отправлен их лидер, с тёмной кожей, прямыми волосами и рельефными мышцами. Когда-то Чжэцзы легко прижал его к земле и поколотил, и теперь он, смущённо опустив голову, засмеялся:

— Цин-гэр, мы хотели бы одолжить немного серебра, не знаем, можно ли так.

— У вас нет военного жалования? — Лю Яоцин считал, что эти люди с их навыками должны занимать неплохие позиции в армии, так почему же они выглядят такими бедняками?

— Нет, — Хань Да скорчил лицо. — Когда нет войны, армия обеспечивает только еду, и то её не хватает. Жалование получают только во время войны.

Лю Яоцин не слишком разбирался в этих делах. Он думал, что служба в армии автоматически приносит деньги, но теперь понял, что здесь всё иначе. Служба в армии обеспечивает только пропитание, чтобы не умереть с голоду. Жалование получают только чиновники, а те, кто получал деньги домой за службу, вероятно, погибли, и двор давал компенсацию...

Но эти люди не раскрывали своих статусов, и Лю Яоцин не мог их нанимать, иначе мог бы обеспечить их едой и жильём.

В итоге Лю Яоцин одолжил им серебро, заставив Хань Да написать расписку.

Казалось бы, довольно умный человек, но оказалось, что он не умеет читать и писать своё имя, поэтому просто поставил отпечаток пальца.

Подсчитав дни, Лю Яоцин снова пригласил врача, чтобы проверить, как идёт восстановление Лю Цюаньцзиня.

Врач, улыбаясь, шёл с ним в дом Лю:

— Цин-гэр, ты очень заботливый, в другой семье так бы не поступили.

— Просто хочу убедиться, что всё в порядке, — ответил Лю Яоцин с улыбкой.

Войдя в дом, врач осмотрел его, и улыбка с его лица исчезла:

— Некоторые повреждения затронули кости и сухожилия, в будущем ему будет трудно прилагать усилия.

— Понятно, — кивнул Лю Яоцин.

Прокол подошвы ноги веткой, повредивший сухожилие, можно было назвать просто неудачей. В нынешних условиях, если такое произошло, то ничего не поделаешь. Лю Яоцин заплатил врачу, проводил его и зашёл в комнату к Лю Цюаньцзиню.

В эти дни все были очень заняты, и тогда, когда он угощал деревенских обедом, Лю Цюаньцзиня не позвали, а просто принесли ему миску мяса. Ли-ши загружала Лю Яоцина работой, так что у него не было времени на отдых, но Син-гэр часто заходил, помогая с

уборкой и другими делами.

За всё время восстановления старшая ветвь семьи даже не заходила в комнату третьей ветви. Старик Лю приходил один раз и больше не появлялся, Ли-ши вообще не смотрела в эту сторону, так что Лю Цюаньцзинь по сути лечился на кровати в одиночестве.

Он вздыхал, стучал по стенам, даже плакал, но никто этого не видел.

Все были заняты до предела, у кого было время посмотреть на его лицо, даже слушать его речи было некогда.

Сейчас Лю Яоцин, глядя на лицо Лю Цюаньцзиня, не видел ничего особенного, видимо, раньше он просто разыгрывал спектакль, а теперь, оставшись в комнате один, не проявлял никаких эмоций.

— Твой дед всё ещё хочет созвать семейный совет... — Лю Цюаньцзинь за эти дни не работал, и, несмотря на травму, выглядел даже потолстевшим.

— Дедушка говорил об этом? — спросил Лю Яоцин.

— Нет, я сам догадался, — продолжил Лю Цюаньцзинь. — Твой дед занят, у него нет времени приходить.

— Дедушка не занят, оставшуюся землю он обрабатывает с помощью волов, а в эти дни он просто сидит дома, — усмехнулся Лю Яоцин. — Отец, ты что, сон видишь? Дедушка не занят, дядя тоже не занят, все в семье не заняты, зайти и взглянуть на тебя у них есть время, но никто не приходит, и ты не знаешь почему? Потому что ты поранил ногу, не можешь работать, стал бесполезным, и им лень приходить смотреть на тебя!

Сказав эти колкие слова, Лю Яоцин даже не взглянул на лицо Лю Цюаньцзиня, повернулся и пошёл в главную комнату.

Старик Лю выбивал пепел из трубки, в эти дни он выглядел гордым, но, думая о том, что семья уже разделилась, становился мрачным, часто вздыхал в своей комнате. Но Лю Цюаньфу делал вид, что не замечает этого, Ли-ши, кроме как ругать Лю Яоцина, ничего не могла сделать, а Лю Цюаньцзинь сам догадался о мыслях отца, но Лю Яоцин ударил его по самому больному месту.

— Дедушка, я отнёс императорский указ в дом Чжэцзы для хранения, — Лю Яоцин просто хотел сообщить об этом, чтобы старик Лю не переживал.

Ночью старик Лю не мог заснуть, всё ещё размышляя о том, почему императорский указ Лю Яоцин отнёс в дом Чжэцзы. Хотя семья уже разделилась, Лю Цюаньцзинь всё ещё жив, и даже если в указе указаны два имени, семья Лю должна была получить свою долю.

— Никчёмное отродье оно и есть никчёмное отродье, где бы ни находилось, — мрачно и со злостью произнесла Ли-ши. — Погоди, когда Цин-гэр женится, Чжэцзы точно не будет так хорошо к нему относиться.

— Хватит, ложись спать, — старик Лю не хотел больше говорить об этом. Он повернулся спиной к Ли-ши, но всё равно не мог отпустить славу императорского указа.

Когда Лю Яоцин родился, старик Лю и Ли-ши, услышав, что это гэр, который в будущем должен будет выйти замуж, сразу же помрачнели, а затем выместили своё недовольство на Лю

Цюаньцзине, который вернулся домой и стал вздыхать перед Ли-ши.

В то время Ли-ши даже не могла нормально отдохнуть после родов, продолжая работать как обычно, молока было мало, а Ли-ши держала яйца и деньги под контролем. Ли-ши пришлось обменять своё приданое на яйца, вернувшись, она должна была отдать большую часть Сяо Бао.

Все эти годы только Ли-ши заботилась о своём родном сыне, все в семье считали Лю Яоцина кем-то незначительным, жил он как тень, и даже если бы умер, то никто бы не заметил.

Всё это произошло потому, что старик Лю и Ли-ши были недовольны тем, что Лю Яоцин был гэрмом, Лю Цюаньцзинь был настолько предан родителям, что не обращал внимания на Лю Яоцина, и со временем все в семье стали относиться к нему как к камню у двери: поднимут, бросят, покатаются несколько раз, больно — ну и что.

Когда Лю Яоцин вырастет и выйдет замуж, из-за того, что с детства не был любимцем старика Лю, у него не будет приданого, и, возможно, ему даже придётся перед лицом семьи мужа заявить о своём отношении: не считать Лю Яоцина человеком.

<http://bllate.org/book/16688/1531938>